

Архимандрит Антонин Капустин

Донесения
из Константинополя
1860–1865

архимандрит Антонин Капустин
Лора Александровна Герд
Донесения из Константинополя. 1860–1865

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10442521
Донесения из Константинополя. 1860–1865: Индрик; Москва; 2013
ISBN 978-5-91674-259-6

Аннотация

В настоящем издании впервые публикуются 24 дипломатические донесения архимандрита Антонина из Константинополя за 1861–1864 гг., хранятся в архиве Св. Синода (РГИА). Основная часть их – автографы, некоторые – копии. Почти все донесения представлены полными вариантами текстов. Вместе с ними издаются мнения митрополита Филарета на эти донесения и некоторые другие эпистолярные материалы, также имеющие к ним отношение.

Содержание

Предисловие	6
Донесения и письма архимандрита Антонина	27
1. Письмо архимандрита Антонина А. П. Толстому	27
2. Записка архимандрита Антонина	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31
Комментарии	

архимандрит Антонин Капустин

Донесения из

Константинополя. 1860–1865

© Герд Л.А., подготовка текста, предисловие, комментарии, 2013

© Издательство «Индрик», оригинал-макет, оформление, 2013

* * *

Архимандрит Антонин Капустин. Константинополь. 1860-е гг.

Предисловие

18 сентября 1860 г. в Константинополь прибыл новый настоятель русской посольской церкви – архимандрит Антонин Капустин. 43-летний ученый окончил Киевскую духовную академию, владел древними и несколькими современными языками, прекрасно говорил по-гречески и, что особенно важно, имел за плечами многолетнюю службу на Православном Востоке: в течение десяти лет он был настоятелем русской посольской церкви в Афинах.¹ Очевидно, что лучшего выбора для Константинополя Св. Синод сделать не мог. Перевод Антонина из Афин в османскую столицу, однако, был вынужденным. Антонин, который вложил свои силы и душу в строительство русской посольской церкви Св. Троицы в Афинах, ревностный исследователь древностей, тонкий дипломат и человек высокого духовного устройства, стал жертвой клеветы со стороны своих сослуживцев, распространивших о нем в демократической печати сведения самого низкопробного свойства. Была и другая причина перевода. Предшественник Антонина в Константинополе, архимандрит Петр Троицкий, был человеком строго канонических взглядов и сторонником греческого духовенства в назревавшем греко-болгарском церковном конфликте. Посольство же, напротив, придерживалось курса на поддержку славян, который стал официальной политикой русского правительства при Александре II. В 1850–60-х гг. От настоятеля посольской церкви, следовательно, требовались тактичность и гибкость, чтобы действовать в сложнейших обстоятельствах. Место ригориста о. Петра занял о. Антонин, на незаурядные дипломатические способности которого возлагались большие надежды.

Остановимся несколько подробнее на церковно-политической ситуации в Константинополе в 1850–1860-е гг. Середина XIX в. – эпоха преобразований в Османской империи, Танзимата. Широкомасштабные реформы в государственном и административном аппарате Османской империи были вызваны разными причинами. С турецкой стороны было стремление к выходу из внутреннего и внешнеполитического кризиса, в котором страна находилась в первой половине XIX в. Для европейских держав, в первую очередь Великобритании, явившейся инициатором реформ, целью преобразований было усиление их влияния на Ближнем Востоке и ослабление влияния русского. В результате победоносных войн с Турцией XVIII – первой половины XIX в. Россия не только значительно расширила свою территорию, но и получила возможность вмешиваться во внутренние дела Османской империи: согласно Кючук-Кайнарджийскому миру 1774 г., русское правительство официально получило право покровительства православному населению Турции. Таким образом, было максимально использовано важнейшее преимущество ближневосточной политики России перед западными державами – общность православной веры с христианским населением Османской

¹ Об архимандрите Антонине (Капустине) см.: *Дмитриевский А. А.* Начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандрит Антонин (Капустин) как деятель на пользу православия на Востоке и в частности в Палестине (По поводу десятилетия со дня его кончины) // *Сообщения Императорского Православного Палестинского общества*. 1904. Т. XV. Вып. 2. С. 95–148 (*То же*. Труды Киевской духовной академии. 1904. Ноябрь. С. 319–380); *Киприан (Керн)*, архимандрит. О. Антонин Капустин, архимандрит и начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме (1817–1894). Белград, 1934; *Салмина М. А.* Дневник архимандрита Антонина Капустина // Труды отдела древнерусской литературы. 1972. Т. 27. С. 420–430; *Παπουλίδης Κ. Κ.* #λληνικ#ς κόσμος το# #ντωνίνου Kapustin (1817–1894): Συμβολ# στην πολιτικ# τ#ς Ρωσίας στη Χριστιανικ# #νατολ# τ# 19-ο α#να. Θεσσαλονίκη, 1993; *Дмитриевский А. А.* Наши коллекционеры рукописей и старопечатных книг: профессор В. И. Григорович, епископ Порфирий Успенский и архимандрит Антонин Капустин / Публикация с комментариями Ф. Б. Полякова и Б. Л. Фонкича // *Byzantinorussica*. 1994. Т. 1. С. 165–197; *Гурулева В. В.* Архимандрит Антонин Капустин как нумизмат // *Нумизматический сборник в честь 80 – летия В. М. Потина*. СПб., 1998; *Герд Л. А.* Архимандрит Антонин Капустин и его научная деятельность (по материалам петербургских архивов) // *Рукописное наследие русских византинистов* / Под ред. И. П. Медведева. СПб., 1999. С. 8–35; *Архимандрит Антонин (Капустин)*. Из Иерусалима. Статьи, очерки, корреспонденции. 1866–1891 / Изд. подг. Р. Б. Бутова. М., 2010; *Архимандрит Антонин (Капустин)*. Дневник. Год 1881 / Изд. подг. Н. Н. Лисовой, Р. Б. Бутова / Под ред. Я. Н. Щапова. М., 2011.

империи. Ряд выгодных для России договоров касательно прохода торговых и военных судов через проливы Босфор и Дарданеллы поставил Россию в первенствующее положение в Восточном Средиземноморье. Европейские державы, имевшие свои военно-политические виды в отношении Турции, не желали мириться с таким преобладанием русского влияния. Подорвать авторитет России и ее силу на Ближнем Востоке можно было разными путями: во-первых, Россия оказалась связанной договорами о взаимопомощи «Европейского концерта» против революционных движений, в том числе национально-освободительных; во вторых, необходимо было ослабить влияние России, осуществляемое как через непосредственные контакты с султаном и Портой, так и через Церковь. Вестернизаторские преобразования в Османской империи предоставляли западным державам возможность, с одной стороны, ограничить единоличную власть султана и его ближайших советников, а с другой стороны, постепенно вовлечь Церковь в административную систему империи, поставить ее под контроль государства и тем самым упразднить поводы к иностранному вмешательству в ее дела.

Реформы начались с провозглашением Гюль-Ханейского хатт-и-шерифа 1839 г., содержащего основные принципы, которым обязывался следовать султан, сановники и высшее духовенство Османской империи. Объявлялась необходимость принятия законов, которые бы гарантировали безопасность жизни, чести и имущества населения; провозглашалось равенство перед законом всех подданных султана независимо от вероисповедания; светские законы признавались выше воли султана, следовательно, его власть в известной мере ограничивалась; взятки объявлялись преступлением, так как всем чиновникам назначалось жалование.² На первый взгляд могло показаться, что провозглашенные принципы, за исключением равенства христиан и мусульман перед законом, не содержали в себе глубоких изменений в общественной жизни. На деле же они подразумевали ломку всего сложившегося уклада Османского государства. Западные державы, вдохновившие издание документа, поразному реагировали на его появление. Англия и Франция встретили его с удовлетворением. «Английское правительство, – писал А. Д. Новичев, – видело в реформах средство, которое укрепит Турцию и превратит ее в антирусский бастион на Ближнем Востоке. В Англии считали, что осуществление провозглашенного в хатте принципа равенства мусульман и немусульман приведет к тому, что исчезнет повод для вмешательства России во внутренние дела Турции под флагом защиты единоверцев и „братьев-славян“».³ Французская печать сравнивала указ с Декларацией прав человека. Австрийское правительство внешне приветствовало акт, но предостерегало Порту от приглашения европейских специалистов. Реакция России была однозначно отрицательной. А. П. Бутенев был застигнут врасплох. Если бы он знал о нем заранее, то мог бы убедить Порту не приглашать на его провозглашение европейских послов, и акт не имел бы международного значения.⁴

В целом реформы 1830–1850-х гг. были преждевременными и встретили ожесточенное сопротивление мусульманского населения. В результате противоречия внутренней и внешней политики Османской Империи после 1839 г. только усилились. Реформы проводились недостаточно энергично, что давало повод западным дипломатам оказывать давление на Порту. С одной стороны, многие турецкие сановники считали, что причиной европейского вмешательства являются реформы, и потому решили, что они вредны вообще. С другой стороны, инициатор реформ Мустафа Решид сам призывал державы оказывать влияние на султана и выступил с предложением созвать европейскую конференцию по вопросам проведения преобразований в Турции; он считал необходимым, чтобы в течение 8–10 лет западные

² Дулина Н. А. Танзимат и Мустафа Решид-паша. М., 1984. С. 54–55. Турецкий текст документа опубликован: *Kaynar R. Mustafa Reşit paşa ve Tanzimat*. Ankara, 1954. P. 172–173; *Karal E. Z. Osmanlı tarihi*. С. 5. Nizami cedit ve Tanzimat devirleri (1789–1856). 2 basin. Ankara, 1961. P. 255–258.

³ Новичев А. Д. Гюльханейский хатт-и-шериф 1839 г. // Тюркологический сборник. 1972. М., 1973. С. 384.

⁴ Новичев А. Д. Гюльханейский хатт-и-шериф 1839 г. // Тюркологический сборник. 1972. М., 1973. С. 382–395.

дипломаты в Константинополе наблюдали за внутренними делами империи. Чтобы утвердить свое влияние, они должны были иметь каждый одно или два военных судна в Босфоре. В основе идей Мустафы Решида лежала уверенность, что сохранение суверенитета Турции выгодно европейским державам; целостность Османской империи лежала в основе его политики.⁵ Однако провозглашение новых принципов только стимулировало рост национально-освободительных движений.

Победа над Россией в Крымской войне и подписание Парижского договора 1856 г. на время устранили русское влияние и дали возможность европейским державам навязать Порте дальнейшее развитие реформ. 18 февраля 1856 г. был опубликован новый султанский акт – хатт-и-хумаюн, который повторил обещания хатт-и-шерифа 1839 г. и расширил права христиан. Согласно этому документу, всем подданным Османской империи были гарантированы следующие права: 1) право быть назначаемыми на государственную службу; 2) право быть принятыми в любые военные или гражданские училища; 3) представителям всех религиозных общин, назначаемым султаном сроком на 1 год, предоставлялось право участвовать в заседаниях высшего совета юстиции; 4) местным междлисам было разрешено подавать в Порту проекты реформ, которые, однако, затем должны были получить одобрение султана.⁶ Несмотря на свое крайнее несочувствие документу, Россия, в числе других государств, подписавших последовавший за тем Парижский трактат, была вынуждена выступить гарантом решений хатт-и-хумаюна. Принятие этого акта положило начало новой эпохе в истории христианского населения Османской империи. Теперь все требования греков и славян основывались на неопределенных положениях хатта. Поначалу христиане восприняли его как начало свободы в империи. Однако вскоре им пришлось разочароваться: благородные заявления правительства расходились с практикой и не могли быть в условиях того времени быстро реализованы.

Реформы в Османской империи не замедлили сказаться на положении Православной Церкви. От завоевания Константинополя в 1453 г. до середины XIX в. ее положение в империи оставалось в целом неизменным, равно как и внутреннее устройство Патриархата. Во главе церкви стоял Патриарх, который сосредотачивал в своих руках духовную и гражданскую власть над христианами.⁷ Власть Патриарх получал пожизненно, но мог лишиться ее вследствие добровольного отречения или по доказанному обвинению в политическом или церковном преступлении. Султанские бераты (документы, утверждавшие инвеституру Патриарха, в которых указывались его права) подчеркивают полную независимость Православной Церкви в ее внутренней жизни. Свобода сохранялась, по крайней мере официально, и в избрании нового Патриарха. В XV–XVIII в. Патриарх избирался всеми архиереями ближайших к Константинополю епархий, а также случайно оказавшимися в столице. В 1741 г. было введено изменение в избирательную систему: Ираклийский митрополит Герман выхлопотал у султана фирман, согласно которому впредь никто не мог назначаться Патриархом, если предварительно пять архиереев (Ираклии, Кизика, Никомидии, Никеи и Халкидона) не дадут доброго свидетельства о его жизни. Избрание Патриарха Самуила I Хандзериса (1763 г.) совершилось при участии не всех архиереев, а только 18. При этом Патриархе была проведена реформа администрации: шесть митрополитов (Эфеса, Ираклии, Кизика, Никомидии, Халкидона и Деркона) были объявлены постоянными членами Синода, геронтами, с правом участвовать вместе с Патриархом в решении всех церковных вопросов, и лишь изредка покидали Константинополь. Постепенно титул геронта распространился на первых

⁵ Milev N. Rechid Pacha et la réforme Ottomane // Zeitschrift für Osteuropäische Geschichte. Hf. 3. Berlin, 1912. Bd. 2. S. 397.

⁶ Издание текста хатта см.: Karal E. Z. Osmanli tarihi. C. 5. Nizami cedit ve Tanzimat devirleri (1789–1856). 2 basin. Ankara, 1961. P. 258–264.

⁷ Соколов И. И. Константинопольская церковь в XIX веке. СПб., 1904.

12 митрополитов по списку; они теперь составляли патриарший Синод. Совместно с геронтами финансовыми делами Патриархии заведовала комиссия из 12 светских членов, из числа фанариотов, которые образовывали «епитропию общины» и были обязаны наблюдать за благотворительными заведениями Константинополя. Каждый архиерей, назначаемый в епархию, был обязан платить «филотимон», определенный взнос в Патриархию: эта сумма могла выдаваться ему в долг под проценты. Новый порядок, введенный для улучшения системы управления Церковью, открыл дорогу многочисленным злоупотреблениям: неограниченная власть геронтов, тяжелый долг, которым был обременен каждый вновь вступающий в служение архиерей, привели к увеличению поборов с населения, с одной стороны, и к дальнейшему процветанию интриг и коррупции – с другой.

С началом Танзимата под давлением английского посла Стратфорда Редклиффа османское правительство потребовало от Патриархии реформы церковного управления. В результате, повинувшись султанскому распоряжению, в начале 1847 г. в Патриархате были разработаны 15 глав преобразований церковных дел, суть которых сводилась к привлечению мирян к церковному управлению. Теперь в состав Синода должны были входить три мирянина (великий логофет Николай Аристархис, самосский губернатор Стефан Вогоридис и Иоанн Психарис). В следующем, 1848 г., однако, эти нововведения были признаны неканоническими и упразднены.⁸

Новый этап реформ церковного строя наступил после обнародования хатт-и-хумаюна 1856 г. По словам российского посланника в Константинополе А. П. Бутенева, «сей лживый и не очень искусно составленный акт, придуманный и навязанный туркам западными державами более из ненависти к России и из опасения ее политического и церковного влияния на Востоке, чем по действительной заботливости о христианском населении в Оттоманском государстве – начало великих неурядиц в Константинопольском Патриархате».⁹ С принятием хатт-и-хумаюна начинался новый натиск правительства на Патриархат с требованием церковных реформ. В апреле 1857 г. Порты отправила в Патриархат предписание немедленно приступить к намеченной султанским указом церковной реформе. Правительство потребовало учреждения церковно-народного совета с участием представителя – турецкого чиновника. Предстоящая реформа имела целью ограничить власть Патриарха, постепенно ликвидировать положение христианской общины как государства в государстве и подготовить будущее уравнивание христиан и мусульман. Непосредственным следствием этого было падение престижа Патриарха как духовного главы православных христиан и противника католического и протестантского прозелитизма на Востоке. Контроль послушной западным державам Порты над Греческой Церковью был одним из необходимых условий для ликвидации русского влияния и преобразования страны на удобных для Европы началах.

Реакция греческого населения на готовившиеся реформы была различной. Богатые константинопольские греки с введением мирского начала в церковное управление наделись получить большее влияние на дела своего народа и Церкви. Многие греческие иерархи были рады упразднить самовластие геронтов и прекратить их злоупотребления. Консервативно настроенные митрополиты и в первую очередь сами геронты, разумеется, были категорически против всяких нововведений. Патриархия протестовала против некоторых пунктов проекта преобразований: по поводу необходимости для архиереев присягать правительству при вступлении в должность и по ряду других моментов. В результате было избрано церковно-народное собрание, состоявшее из семи митрополитов, 21 мирянина и

⁸ Σταματόπουλος Δ. Μεταρρύθμιση και εκκοσμίκευση. Προς μία ανασύνθεση της ιστορίας του Οικουμενικού Πατριαρχείου τον 19^ο αιώνα. Αθήνα, 2003. Σ. 37–67.

⁹ Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по делам Православной Церкви на Востоке. СПб., 1886. С. III.

двух чиновников; носило оно, разумеется, совершенно светский характер. Первое заседание собрания состоялось 3 октября 1858 г. Собрание обсуждало разные вопросы: первым из них был порядок выбора Патриарха. Мирским членам собрания удалось провести решение, предусматривавшее контроль над выборами со стороны мирян, и лишь окончательное избрание предоставлялось Синоду. Особенно горячие дебаты возникли по поводу введения жалования духовенству. Осуществление этой меры не только ставило духовенство в зависимость от правительства, но имело целью постепенный секвестр церковных имуществ, что в конечном итоге привело бы к ослаблению Церкви. Кроме того, приводился довод, что в государстве с иноверным правительством не может быть введена мера, практикующаяся в России, где царь и правительство православные и поэтому являются естественными покровителями Церкви. Поскольку геронты активно препятствовали работе совета, 6 июля 1859 г. было принято решение об их удалении. К началу 1860 г. были в общих чертах разработаны новые положения управления Церковью, известные под названием «Общих уставов» (Γενικοὶ κανονισμοί).¹⁰ Из-за активного противодействия их введению со стороны нового Патриарха, Иоакима II, избрание членов Синода по новому уставу состоялось только в конце января 1862 г.

Согласно новому порядку, в случае вакантности патриаршего престола избирался местоблюститель, утверждаемый Портой. Затем все архиереи Патриархата должны были прислать в запечатанных конвертах имя того кандидата, который казался им наиболее достойным. Одновременно составлялось избирательное собрание: в него входили члены Синода и те архиереи, которые в данный момент находились в столице. Светскую часть составляли: три из высших чиновников Патриархии; члены смешанного совета; три из старейших чиновников, имеющих гражданскую степень, два имеющих степень военную и три из других гражданских чиновников; губернатор Самоса или его представитель; три представителя от Дунайских княжеств; четыре наиболее известных ученых; пять от торговых корпораций; один из банкиров; десять представителей цехов; двадцать восемь представителей от епархий. Таким образом, составлялся предварительный список из всех предложенных кандидатур, который представлялся Порте; последняя в течение 24 часов вычеркивала из него тех лиц, которых по политическим соображениям считала неподходящими для выбора на патриарший престол. После возвращения списка избирательное собрание посредством тайной подачи голосов указывало трех кандидатов, по большинству голосов, из числа не исключенных лиц. Из этих трех кандидатов духовные члены собрания также тайным голосованием с призыванием Св. Духа избирали одного из трех кандидатов. Если количество голосов оказывалось равным, то вопрос решал местоблюститель. Теперь патриарший Синод состоял из 12 архиереев, выбираемых сроком на два года, причем никто из архиереев, не являющихся членами Синода, не мог находиться в Константинополе без специального разрешения Патриарха; равным образом члены Синода не могли отлучаться из столицы. Заседания Синода должны были происходить два раза в неделю.

Церковно-народное собрание выработало также «Устав постоянного смешанного совета», особого административного учреждения, которого прежде в Константинопольской Церкви не существовало. Состоял смешанный совет из двенадцати членов – четырех архиереев и восьми мирян, под председательством одного из духовных членов. Выбирались члены совета сроком на два года, причем часть его должна была обновляться ежегодно.

¹⁰ Γενικοὶ κανονισμοὶ περὶ διεκτετήσεως τῆς ἡκκλησιαστικῆς καὶ θινικῆς πραγμάτων τῆς πρὸς οἰκουμένην θρόνον διατελούντων ῥοδόξων χριστιανῶν ἡπκόων τοῦ σουλτάνου. Κωνσταντινούπολις, 1900. Часть текста этого устава, а именно руководящие указания Порты по реформе церковного управления, издана в переводе И. И. Соколова (Соколов И. И. Константинопольская церковь в XIX в. СПб., 1904. С. 717–720). Им же проведен детальный анализ содержания «канонисмов» (Там же. С. 758–782). Подробнее о преобразованиях см.: Σταματόπουλος Δ. Μεταρρύθμιση καὶ εκκοσμίκευση. Πρός μία ανασύνθεση τῆς ιστορίας Οικουμένης Πατριαρχείου τον 19 αἰώνα. Αθήνα, 2003. Σ. 77–152.

Членами совета могли быть только оттоманские подданные старше 30 лет, имеющие опыт в делах и пользующиеся уважением. Вознаграждения они не получали, а взяточничество строго преследовалось. В обязанности членов совета входило следить за исполнением завещаний и других актов, рассмотрение вопросов по наследству, наблюдение за школами, больницами и другими богоугодными заведениями и проч.

Патриарх, таким образом, лишился своей неограниченной *de jure* власти, которая оказалась раздробленной на две части: в церковных делах он был подчинен Синоду, в гражданских – смешанному совету. Вследствие подвижности состава Синода в нем не могло быть опытных членов. Иерархи, имевшие двухлетний опыт Синодальной деятельности, сменялись новыми, зачастую мало знакомыми с направлением центральной администрации и привносящими свои мнения и симпатии. Смена членов Синода предоставляла широкие возможности для интриг, а когда Патриарх оказывался в изоляции, он был вынужден «добровольно» отказываться от престола. Нестабильность патриаршего престола во второй половине XIX в. оставалась такой же, как и прежде. В 1860–1900 гг. престол последовательно занимали десять Патриархов. Самым значительным нововведением было образование смешанного совета, через который константинопольские миряне получили реальную возможность воздействовать на церковную политику. Полномочия совета были весьма обширными: он ведал даже тем, насколько хорошо Патриарх заботится о принадлежащих Церкви святынях и их имуществе. Узнав о проступках клириков, члены совета были обязаны доносить Патриарху и Синоду и предлагать меры воздействия на виновных. Допуск мирян в церковные дела прокладывал путь к политизации Церкви, которая попадала в зависимость от националистически настроенных греческих богачей Константинополя, тесно связанных с правительством Греческого королевства, в свою очередь, являвшегося проводником политики западных держав, в первую очередь Великобритании. Крайний греческий национализм был тем веянием, которое привнес в церковную жизнь второй половины XIX в. смешанный совет. Результатом стало обострение в церковной жизни национальных вопросов, в первую очередь вопроса болгарского.¹¹

Мнения российских политиков относительно преобразований разошлись. Если посланник А. П. Бутенев скептически относился к реформам, усматривая в них лишь орудие, направленное против России¹², то его преемник, А. Б. Лобанов-Ростовский, приветствовал их и видел в них средство для установления порядка в церковных делах. Со стороны Русской Церкви преобразования встретили сильную критику. В первую очередь, против них выступил влиятельнейший из русских иерархов середины XIX в. митрополит московский Филарет (Дроздов). Дух смешанного совета, «пренебрегающий церковными правилами и вековым обычаем, поставляющий себя выше Синода, не обещает спокойствия», – писал он.¹³ Митрополит Филарет указывал на неканоничность действий совета. Смешанный совет претендует на контроль за финансами Патриархата, что противоречит 38 и 42 Апостольским правилам.¹⁴ Сменяемость членов Синода через каждые два года, по мнению митрополита Филарета, приведет к отсутствию в нем опытных архиереев.¹⁵ Особенно резко высказывался он против

¹¹ Σταματόπουλος Δ. Μεταρρύθμιση και εκκοσμίκευση. Προς μία ανασύνθεση της ιστορίας Οικουμενικού Πατριαρχείου των 19 αιώνα. Αθήνα, 2003. Σ. 229–349.

¹² Донесение А. П. Бутенева «О преобразованиях, предполагаемых в внутреннем устройстве Константинопольского Патриархата и Высшего Духовенства греческого, вследствие Гатти-Гумаюна». Пера 8/20 ноября 1858 г. РГИА. Ф. 797. Оп. 27. 2 отд. 2 ст. Д. 426. Ч. 1. Л. 44–50, 51–59.

¹³ Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по делам православной церкви на Востоке СПб., 1886. С. 14–15.

¹⁴ Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по делам православной церкви на Востоке СПб., 1886. С. 29.

¹⁵ Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по делам православной церкви на Востоке СПб., 1886. С. 20.

назначения жалования духовенству: «Мысль о назначении жалования членам высшего духовенства возникла, прежде гатти-гумаюна, между греками-мирянами... Нельзя ли вразумить их, что сколько они ослабят высшее духовенство, столько ослабят свое национальное единство и силу?»¹⁶ Митрополит Санкт-Петербургский Григорий указывал на то, что назначение жалования духовенству выгодно Порте, так как отнимет у греков силы для восстания; в то же время это даст простор католической и протестантской пропаганде в Турции. «Пропаганда на Востоке крайне усиливается, кажется, несомненно, не столько в видах веры, сколько в видах искоренения восточного православного исповедания для ослабления России», – писал он.¹⁷ Вскоре после созыва в Константинополе церковно-национального собрания в российском МИДе были собраны имеющиеся на тот момент сведения касательно предстоящих преобразований. Русское правительство в тот момент не ожидало от реформ ничего благоприятного: «...с нашей стороны требуется особенная бдительность, чтобы Греческой Церкви не был нанесен тяжкий удар. Для сего необходимо, кажется, постоянно совещаться с лицами, понимающими положение Церкви, зорко следить за ходом и заранее внимательно обсуждать все последствия, могущие возникнуть из принимаемых ныне мер».¹⁸

В декабре 1858 г. в Константинополь прибыл новый посланник, А. Б. Лобанов-Ростовский (1859–1863). В конфликте между Патриархом Константином и геронтами он принял сторону Патриарха; к занятиям церковно-народного собрания посланник относился с большой симпатией. 4/16 июня 1859 г. собрание приняло решение об удалении геронтов из Константинополя.¹⁹ Удаленные из Константинополя шесть митрополитов-геронтов (Эфесский, Ираклийский, Кизический, Никомидийский, Никейский и Халкидонский) немедленно обратились к российскому Св. Синоду с просьбой о заступничестве (11 июня 1859 г.). Поначалу Св. Синод склонялся к тому, чтобы поддержать их. Это встревожило Лобанова, который выступил категорическим противником того, чтобы Русская Церковь вступала в переписку с геронтами и давала им официальный ответ.²⁰ Митрополит Филарет, как всегда осторожный, со своей стороны также не видел в неопределенных жалобах геронтов повода к вмешательству Русской Церкви. Санкции против геронтов, на его взгляд, были небезосновательны, но само их удаление нельзя было рассматривать как прямое нарушение церковных канонов. «Желательно, – писал он, – чтобы Вселенскому Патриарху и народному собранию... поданы были полезные мысли; но сие, по моему мнению, должно быть сделано неофициальным путем, и с особенной скромностью и осторожностью» (записка от 6–8 ноября 1859 г.).²¹ Один из самых веских аргументов против участия России в конфликте между геронтами и Патриархом заключался в опасности вмешательства в дело западных держав. «Если бы Святейший Синод позволил себе вмешательство в такое дело, турецкая дипломатия, вероятно, стала бы на сие жаловаться западным державам, как на политическое вмешательство России в дела Порты; и можно ли надеяться, что западные Державы потрудились бы изъяснить Порте сие дело с лучшей стороны, и не причинили бы труда министерству российскому», – говорилось в заключении Св. Синода.²²

В апреле 1860 г. церковно-народное собрание выработало новый устав Церкви. Однако с его утверждением возникли трудности, так как духовные члены собрания нашли многие

¹⁶ Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по делам православной церкви на Востоке СПб., 1886. С. 9. Мнение от 3 апреля 1858 г.

¹⁷ Отзыв от 23 апреля 1858 г. РГИА. Ф. 797. Оп. 27. 2 отд. 2 ст. Д. 426. Л. 21–22.

¹⁸ Отзыв от 23 апреля 1858 г. РГИА. Ф. 797. Оп. 27. 2 отд. 2 ст. Д. 426. Л. 59.

¹⁹ Русский пер.: РГИА. Ф. 797. Оп. 27. 2 отд. 2 ст. Д. 426. Л. 308–311об.

²⁰ А. Б. Лобанов – Е. П. Ковалевскому. Пера, 24 октября 1859 г. РГИА. Ф. 797. Оп. 27. 2 отд. 2 ст. Д. 426. Л. 441–445об.

²¹ Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по делам православной церкви на Востоке СПб., 1886. С. 56–65.

²² Выписка из определения Св. Синода 23 декабря 1859 г.–11 апреля 1860 г. РГИА. Ф. 797. Оп. 30. 2 отд. 2 ст. Д. 328. Л. 19.

его пункты, в первую очередь установление контроля мирян над делами Патриархата, противоречащими канонам. Тогда русское посольство стало ходатайствовать перед Портой о скорейшем принятии устава. Здесь мнение МИДа резко разошлось с точкой зрения митрополита Филарета, который, напротив, был категорически против утверждения устава в данном варианте. «Полагаю, – писал он, – что если бы все сие благовременно известно было Святейшему Синоду, то он употребил бы убедительное ходатайство, чтобы по сему предмету русскому в Константинополе посланнику дано было иное направление, именно, чтобы он способствовал обращению актов к пересмотру, предложенному семью архиереями».²³ Противником посольства, вслед за митрополитом Филаретом, выступил обер-прокурор св. Синода А. П. Толстой, который также исходил из строго-канонического взгляда на вещи.²⁴

Таким образом, русское правительство, хотя и весьма осторожно, заняло в конфликте сторону церковно-народного собрания и сторонников реформ. Одной из сильнейших побудительных к тому причин было национально-освободительное движение болгар, которое правительство Александра II энергично поддерживало. Действуя в рамках традиционной османской системы миллетов (независимых немусульманских церковных общин), болгары стремились добиться признания Портой и Патриархатом болгарского миллета, отдельного от греческого; независимая от Константинополя национальная Церковь должна была служить прообразом независимого болгарского государства. По сути, борьба была церковной только по форме; содержание же ее было политическим. Это обстоятельство было отмечено еще в 1857 г. А. П. Бутеневым, который писал, что «нынешние домогательства болгар в обширном смысле есть не что иное, как первый отважный шаг к гражданской самостоятельности».²⁵

В ноябре-декабре 1858 г. на церковно-национальном собрании в связи с обсуждением выборов Патриарха болгарскими депутатами был поднят вопрос о непосредственном участии представителей епархий в выборе архиереев.²⁶ Уже на этом этапе греческое посольство в Константинополе забило тревогу по поводу притязаний болгар, опасных для эллинизма в Македонии, где славянское население преобладало в сельской местности.

В мае-июне 1859 г. Константинополь посетил великий князь Константин Николаевич; 30 мая он побывал у Патриарха. Целью поездки было наведение мостов в отношениях с греками после Крымской войны. До прибытия в османскую столицу он посетил о. Самос, где встречался с Мильтиадом Аристархисом, братом великого логофета Николая Аристархиса (до Крымской войны Николай Аристархис был главным сторонником России в неофанариотских константинопольских кругах). Очевидно, Константин Николаевич рассчитывал собрать еще до посещения Константинополя сведения о положении дел и настроениях среди фанариотов. Как предполагает Д. Стаматопулос, неудачные попытки великого князя пробудить повстанческие настроения среди греков и заручиться поддержкой со стороны королевской четы в Афинах послужили стимулом к окончательному повороту русской балканской политики в сторону панславизма.²⁷

Пик напряжения в греко-болгарском противостоянии пришелся на начало 1860 г. 15 января уполномоченный от тырновских граждан подал правительству прошение, в котором были изложены требования болгарского народа. Во втором пункте этого прошения выра-

²³ Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по делам православной церкви на Востоке СПб., 1886. С. 96.

²⁴ А. П. Толстой – А. М. Горчакову. 29 апреля 1860 г. РГИА. Ф. 797. Оп. 27. 2 отд. 2 ст. Д. 426. Ч. 2. Л. 116–117.

²⁵ Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Документи и материали. Т. 1. Ч. 1. София, 1987. С. 130. См. также: Макарова И. Ф. Болгары и Танзимат. М., 2010. С. 139–141.

²⁶ Бонева В. Българското църковнонационално движение 1856–1870. Велико Търново, 2010. С. 146–147.

²⁷ Σταματοπούλος Δ. Μεταρρύθμιση και εκκοσμίκευση. Προς μία ανασύνθεση της ιστορίας Οικουμενικού Πατριαρχείου του 19 αιώνα. Αθήνα, 2003. Σ. 116–119.

жалось требование учредить две автокефальные кафедры в Тырново и Охриде, что возбуждало вопрос о полном отделении от Константинополя.²⁸ Невыполнение требования болгар назначить архиерея-славянина на Охридскую кафедру привело к прекращению возношения имени Патриарха в болгарской церкви Св. Стефана в Константинополе на Пасху, 3 апреля 1860 г.²⁹ Протест константинопольских болгар был подхвачен в крупнейших болгарских центрах – Тырнове и Филиппополе. Пасхальная акция митрополита Илариона рассматривается некоторыми исследователями как схизма *de facto*.³⁰ Это событие, всколыхнувшее христианское население Османской империи, не могло оставить равнодушным ни Русскую Церковь, ни русское правительство. Движение болгар в целом встречало сочувствие со стороны посольства, но было весьма настороженно воспринято российским духовным ведомством. 30 апреля 1860 г. обер-прокурор А. П. Толстой составил записку о церковных делах в Константинополе и отношении к ним российской дипломатии. «Опасно нам под влиянием политической распри вносить самовластное вмешательство наше в дела старейшей православной иерархии, являться не защитниками ее, а только судьями и обличителями, и преследовать ее злоупотребления с такой строгостью, которая не всегда применима и в нашем собственном отечестве», – писал он. Открытая поддержка болгар, по мнению Толстого, привела бы Русскую Церковь к конфликту с греками и даже, быть может, к разрыву с Константинополем, что расценивалось им как величайшее несчастье.³¹ Толстой определенно придерживался грекофильского взгляда на распрю. Он считал, что Русская церковь должна не просто воздерживаться от всякого вмешательства в спор, но постоянно подчеркивать превосходство Константинопольской Патриархии и чтить ее первенство.³² Грекофильская линия в русской церковной политике второй половины XIX в., которую представлял обер-прокурор, разделялась его современником А. С. Норовым, а двумя десятилетиями позднее государственным контролером Т. И. Филипповым. Однако эти рыцари первенства Константинополя в православном мире были в России одиноки; по крайней мере до войны 1877–1878 гг. славянофильская позиция в русской политике на Балканах была преобладающей. Мнение митрополита Филарета лишь отчасти склонялось к точке зрения обер-прокурора. «При воззрении на дело с церковной стороны, нельзя сказать, чтобы болгары имели право искать церковной независимости, и особенно автокефалии патриаршеской... Численность болгар не огромна: в местах жительства, особенно в городах, они смешаны с греками; найдет ли свои пределы отдельная их Церковь?» – писал он. По его мнению, разделение церкви на две бесполезно в политическом отношении, так как это ослабляет силу христиан перед лицом магометан.³³

Крайняя точка зрения А. П. Толстого в Константинополе поддерживалась настоятелем посольской церкви архимандритом Петром Троицким.³⁴ Перед отъездом о. Петра в Констан-

²⁸ Филиппов Т. И. Современные церковные вопросы. СПб., 1882. С. 30–32; Курганов В. Ф. Исторический очерк греко-болгарской распри // Православный собеседник. 1873. № 1. С. 206–207; Бонева В. Българското църковнонационално движение 1856–1870. Велико Търново, 2010. С. 171–174.

²⁹ Жечев Т. Българският Великден или страстите български. София, 1975; Курганов В. Ф. Исторический очерк... С. 216; Теплов В. Греко-болгарский церковный вопрос по неизданным источникам. Историческое исследование. СПб., 1889. С. 50; Бонева В. Българското църковнонационално движение 1856–1870. Велико Търново, 2010. С. 213–229.

³⁰ Voillery P. Le haut clerge phanariote et les Bulgares. Opressur, provicair ou bon pasteur? 1830–1860 // Turcica. 2003. Т. 35. Р. 89.

³¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 27. 2 отд. 2 ст. Д. 426. Ч. 2. Л. 131–134об.

³² «В делах Востока первой заботой нашей должна быть святая Церковь...» Две записки обер-прокурора Св. Синода А. П. Толстого по греко-болгарскому вопросу с комментариями императора Александра II. 1860 г. / Подг. текста, вступ. ст. и комм. Л. А. Герд // Исторический архив. 2003. № 2. С. 58.

³³ Мнение от 7 мая 1860 г. Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по делам православной церкви на Востоке. СПб., 1886. С. 123.

³⁴ Петр (в миру Платон Алексеевич Троицкий, 1811–1873). Выпускник (1835 г.) и преподаватель, затем ректор (с 1857 г.) Киевской Духовной академии. В 1852 г. принял монашество, с 1853 г. архимандрит. 15 июля 1858 г. назначен настоятелем посольской церкви в Константинополе, с 23 августа 1860 г. настоятель посольской церкви в Афинах. В 1869 г. рукоположен

тинополь в 1858 г. император указывал ему на необходимость сдерживать греков в их неприязни к болгарам. «Мне нужно единство Церкви», – эти слова Александр повторил трижды.³⁵ По прибытии в Константинополь о. Петр нашел, что греки в большинстве епархий выполнили требования болгар, а протесты против поборов греческого духовенства коренятся не в собираемых суммах, а в том, что их собирают греки. Свои взгляды архимандрит Петр подробно изложил в письме к обер-прокурору Св. Синода А. П. Толстому от 8 ноября 1858 г.³⁶ Поскольку позиция настоятеля резко расходилась с точкой зрения посольства, его перевод в другое место стал необходимостью. Афины, в которых не нужно было иметь дело с национальными конфликтами православных народов, для грекофила архимандрита Петра оказались очень подходящим местом. Уже по приезде туда он написал другую записку, в которой подчеркивал, что в случае «отделения Церкви Болгарской от Греческой будут обоюдные потери. Теряет Церковь Греческая свое величие, силу, массу, – не хочу упоминать о суетных выгодах. Но и имеющая отделиться Церковь Болгарская ничего от того не приобретает, теряя вместе с тем и все то, что теряет Церковь Греческая: теряет величие, поелику новая не имеет опыта и единомыслия, теряет массу, поелику остается со своей, крайне невежественной».³⁷ В заключение архимандрит Петр сравнивает будущее положение отделившейся Болгарской Церкви с положением раскольников в России, – сравнение, которое и впоследствии приводилось некоторыми исследователями греко-болгарского вопроса. Позиция константинопольского посольства подвергалась с его стороны резкой критике: «Страшной, уродливой ненавистью к иерархам греческим заражено наше молодое посольство», – писал он митрополиту Филарету Дроздову.³⁸ Митрополит Филарет не находил в мнениях о. Петра особого пристрастия к грекам. Предубеждение же его против посольства, с которым он сам нередко вступал в полемику, считал недостойным уважения и опасным.³⁹

Несогласие во взгляде на болгарский вопрос между МИДом и Св. Синодом ставило русское посольство в очень сложное положение. Митрополит Филарет считал любое вмешательство России в распрю мерой безнадежной и потому бесполезной и рекомендовал полное самоустранение России из происходящих событий. Не сочувствуя резким шагам болгар, и в частности пасхальной демонстрации, посольство в целом поддерживало требования болгар и считало их справедливыми. Духовное ведомство между тем подвергало депеши посланника резкой критике, что сковывало его инициативы. «Поставленные между здравым, вполне православным политическим воззрением министерства и строгой безысходностью нашего духовного начальства, мы теряем всякую свободу суждения и действия. Две почты сряду привозят нам положительные протесты духовного начальства против образа действий миссии в здешних церковных делах. И этот голос подается тогда, когда дело зашло уже так далеко, что миссии трудно, не уронив своего достоинства и нравственного влияния, дать ему другое направление: подается притом не в виде положительного наставления, как должно действовать, а в виде сетования Церкви о ничем не вознаграждаемых ошибках», – жаловался советник константинопольского посольства Е. П. Новиков.⁴⁰ Российская дипломатия, продолжал в том же письме Новиков, должна выполнять на Востоке функции одновременно

в епископа Аккерманского.

³⁵ *Лилуашивили К. С.* Национально-освободительная борьба болгарского народа против фанариотского ига и Россия. Тбилиси, 1878. С. 62–64.

³⁶ *П[етров] Н.* Взгляд очевидца на греко-болгарскую распрю // Исторический вестник. 1886. Август. Т. 7. С. 274–286.

³⁷ *П[етров] Н.* Взгляд очевидца на греко-болгарскую распрю // Исторический вестник. 1886. Август. Т. 7. С. 283.

³⁸ Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по делам православной церкви на Востоке. СПб., 1886. С. 189.

³⁹ Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по делам православной церкви на Востоке. СПб., 1886. С. 183–195.

⁴⁰ Е. П. Новиков – Е. П. Ковалевскому. 17/29 мая 1860 г. РГИА. Ф. 797. Оп. 27. 2 отд. 2 ст. Д. 426. Ч. 2. Л. 168об.–169.

религиозные и политические. Если западные державы имеют себе помощников в лице независимо действующих католических и протестантских агентов, то «в пределах православных и старших по чину Патриархатов, нет места самостоятельной деятельности духовной русской пропаганды, судьбы Православия, начала родного нам и по духу, и по национальному чувству, предоставлены исключительно произволу греческого духовенства, которое ласкает Россию не потому, что любило ее, а потому, что боится ее, и которое, под именем веры, желало бы подчинить нас своему Византийско-Еллинскому воззрению. С таким странным союзником, с которым судьба велит нам идти рука об руку, для поддержания духовного единства нашего с Востоком, – суждено нам возделывать здесь православную ниву и вместе с тем проводить наше политическое влияние».⁴¹ Поступок Илариона Макариупольского, по мнению Новикова, сам по себе с канонической точки зрения заслуживает осуждения. Однако ход событий остановить невозможно, и примирительная роль России закончилась. «Целая бездна лежит уже между болгарским народом и греческим духовенством, факт прискорбный, но неоспоримый», – заключает Новиков. Дипломатическое ведомство, как мы видим, также не видело перспективы в миротворческих акциях со стороны России, однако, в отличие от Синода, не находило полное бездействие и устранение правильным. Напротив, после пасхальной акции 1860 г. Лобанов-Ростовский сделал все возможное, чтобы перевести центр тяжести церковного вопроса в Порту, на которую он мог иметь непосредственное влияние: в частности, уже в конце апреля российская дипломатия выступила с требованием проведения широкомасштабных реформ в европейских провинциях.⁴² Свои доводы против пассивной выжидательной линии, на которой настаивал обер-прокурор А. П. Толстой, посланник высказал в депеше к директору азиатского департамента Е. П. Ковалевскому от 10 мая 1860 г.⁴³ Точка зрения посольства и МИДа была поддержана Александром II, мнение которого оказалось в этом вопросе решающим: посольство продолжило линию поддержки болгар, а архимандрит Петр Троицкий, как было сказано выше, был удален из Константинополя.

Антонин Капустин, таким образом, прибыл в Константинополь в чрезвычайно сложный момент развития церковно-политической ситуации. С одной стороны, налицо был конфликт между митрополитами-геронтами, сочувствующим им высшим духовенством и мирянами-членами смешанного совета; с другой стороны, Порты и народное собрание требовали скорейшего принятия нового устава. К этому прибавлялось несогласие в мнениях русского МИДа и посольства с точкой зрения Св. Синода. Как было сказано выше, на дипломатические способности Антонина возлагались большие надежды. «Прямое, формальное сношение [Русской церкви с Константинопольской. – Л. Г.] не принесет той пользы, которую принесло частное и косвенное, – писал по поводу константинопольских церковных дел митрополит Филарет. – Не думаю, чтобы можно было действовать иначе, как до сих пор действовано. В такое действование, может быть, не без пользы был бы введен архимандрит Антонин, если бы он был перемещен в Константинополь (записка от 17 декабря 1859 г.)».⁴⁴ Был ли готов архимандрит Антонин к подобной ситуации? Конечно, уже из Афин он многое знал и о реформах в Патриархате, и о греко-болгарском вопросе. Однако на первых порах ему было непросто разобраться во всех тонкостях константинопольской жизни и правильно действовать в каждом случае. Горячий поклонник греко-византийской культуры и греческих церковных обычаев, Антонин, однако, не был склонен сочувствовать греческому национа-

⁴¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 27. 2 отд. 2 ст. Д. 426. Ч. 2. Л. 169об.

⁴² Бонева В. Българското църковнонационално движение 1856–1870. Велико Търново, 2010. С. 253.

⁴³ РГИА. Ф. 797. Оп. 27. 2 отд. 2 ст. Д. 426. Ч. 2. Л. 183–189об.

⁴⁴ Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по делам православной церкви на Востоке. СПб., 1886. С. 72.

лизму, тем более что этот национализм был зачастую направлен и против России. Впрочем, движение болгар также не вызывало у него особых симпатий.

Между тем конфликт по поводу принятия церковного устава привел к патриаршему кризису и отставке Патриарха в июле 1860 г. Русское посольство не только внимательно следило за ходом событий, но и старалось на него воздействовать: так, дипломатия настаивала на том, чтобы Порта отказалась от своего намерения вычеркивать политически неблагонадежных кандидатов из предвыборного списка.⁴⁵ В октябре 1860 г. на патриарший престол был выбран Иоаким II (1860–1863). Неофанариотские круги, определявшие закулисный ход патриарших выборов, к этому времени претерпели определенные изменения. Великий логофет Николай Аристархис, который до Крымской войны возглавлял прорусскую партию, был отстранен от дел; С. Вогоридис и И. Психарис, стоявшие во главе проанглийской и профранцузской партий, скончались, первый в 1859 и второй в 1861 г. Фактически положение в Константинополе в 1860 г. определялось двумя банкирами – Христами Зографосом и Георгием Зарифисом, которые в союзе с консервативным крылом Н. Аристархиса и И. Психариса, при поддержке Аали-паши и Фуад-паши (руководителей Танзимата) возвели на престол Иоакима II.⁴⁶ Вопреки всеобщим ожиданиям, Иоаким не стал действовать в пользу восстановления режима геронтов, но, напротив, активно поддерживал проведение реформ в Патриархате.

Архимандрит Антонин в это время только начал входить в константинопольские дела. О патриарших выборах в своем дневнике он замечает кратко: «Фанарь весь в эти дни находится #vω-kάτω по случаю патриарших выборов. Кандидаты на высокую кафедру суть: Анфим, бывший Патриарх Вселенский, Каллиник П[атриарх] Александрийский и Иоаким митрополит Кизический» (запись от 4 октября). Так же лаконично сообщает он на следующий день о выборе Иоакима II.⁴⁷ 12 октября Антонин отправился с визитом к новому Патриарху. «Был с визитом у нового Патриарха, всесвятейшего Иоакима, – пишет он в дневнике. – Нашел его человеком весьма ласковым и умным, по крайней мере – отлично смышленным. Более часу я разговаривал с ним, преимущественно занимаясь вопросом болгарским. Ни малейшей уступки соплеменникам нашим нельзя ожидать от упорного старца. Я уже предлагал ему в образец устройства систему церковного управления на 7-ми островах». Патриарх пытался уверить Антонина, что болгарский вопрос есть интрига немногих лиц. «Пусть только церковь поступит по всей строгости с Иларионом, от него все отступятся и дело кончится», – уверял Иоаким. После того Антонин посетил митрополита Илариона, который также не был согласен ни на какие уступки.⁴⁸ Русской Церкви не оставалось ничего другого, кроме нейтралитета. После праздника Рождества 1860 г. Антонин получил просфору от попечителей болгарской церкви с приглашением служить литургию на престольный праздник Св. Стефана. «Попробуй-ка, сходи. Еще не то заговорят гръци», – с грустной иронией комментирует он это в дневнике (запись от 26 декабря 1860 г.).⁴⁹

Новый Патриарх Иоаким II занял позицию крайней неуступчивости в болгарском деле. При поддержке Зографоса и Зарифиса Иоаким предпринял все усилия к нейтрализации влияния бывшего Патриарха Григория VI, стремившегося достичь компромисса в болгарском вопросе и имевшего репутацию русофила. В этой обстановке часть болгарских цер-

⁴⁵ Дешеша А. Б. Лобанова от 19/31 июля 1860 г. РГИА. Ф. 797. Оп. 27. 2 отд. 2 ст. Д. 426. Ч. 2. Л. 268–269.

⁴⁶ *Stamatopoulos D. The Bulgarian Schism Revised // Modern Greek Studies Yearbook. 2008–2009. Vol. 24/25. P. 109–112.*

⁴⁷ Антонин (Капустин) архимандрит. Дневник. 1860. Машинописная копия из библиотеки Музея истории религии в Санкт-Петербурге. Шифр ИППО: Б. IV. 853/6. С. 674.

⁴⁸ Антонин (Капустин) архимандрит. Дневник. 1860. Машинописная копия из библиотеки Музея истории религии в Санкт-Петербурге. Шифр ИППО: Б. IV. 853/6. С. 677–678.

⁴⁹ Антонин (Капустин) архимандрит. Дневник. 1860. Машинописная копия из библиотеки Музея истории религии в Санкт-Петербурге. Шифр ИППО: Б. IV. 853/6. С. 706.

ковно-политических деятелей (Д. Цанков, игумен Габровского монастыря Иосиф Сокольский, архимандрит Макарий) решили прибегнуть к унии с Католической Церковью. Первые официальные переговоры по этому вопросу были проведены в декабре 1860 г., а уже в апреле 1861 г. Иосиф Сокольский был рукоположен в Риме в качестве болгаро-католического епископа. Иларион Макариупольский отказался присоединиться к унии; напротив, он обращался к своей пастве с призывами не поддаваться соблазну. Уния с папским престолом, принятая частью болгарских церковных политиков, была политическим маневром, который имел довольно широкий резонанс и повлек за собой присоединение к Риму целого ряда населенных пунктов в разных частях Болгарии, Македонии и Фракии. Прочного успеха это движение, впрочем, не смогло добиться.

Меньший резонанс имели попытки воспользоваться болгарскими событиями, предпринятые в начале 1861 г. протестантскими миссионерами в Константинополе. По инициативе доктора И. Ригса был подготовлен меморандум к отделению Евангельского союза в османской столице. Под ним подписались несколько десятков выдающихся болгарских деятелей, в том числе митрополиты Иларион и Авксентий. Надежды болгар на поддержку со стороны протестантских государств, в первую очередь Великобритании, не оправдались.⁵⁰ На нежелание Евангельского союза открыто вмешиваться в греко-болгарскую распрю указывали российские дипломаты⁵¹; в том же ключе комментировал эту переписку и Антонин (Капустин) (донесение от 7 февраля).

Намерение Патриарха предать митрополита Илариона отлучению вызвало сильную тревогу в Петербурге. В самом начале 1861 г. Иоакима II посетил посланник Лобанов-Ростовский. Из его краткого донесения от 5 января понятно, что Патриарх настаивал на том, чтобы сохранить любой ценой полноту своей власти; он никак не мог согласиться с тем, чтобы болгарский митрополит встал во главе других болгарских архиереев. Единственное, что Иоаким мог допустить, – это выборность архиереев и частичную финансовую самостоятельность болгарских епархий.⁵² Визит Антонина к Патриарху 20 января 1861 г. показал, что ссылка Илариона неизбежна. «Направил стопы свои к Вселенскому Патриарху, с которым и имел продолжительную беседу о делах болгаро-греческих. Хитрый и упрямый до самого краю старик! Не поддается нисколько. Илариону не миновать ссылки», – комментирует он в дневнике.⁵³ В Петербурге разрабатывался план составления особого письма к Патриарху от Св. Синода с предупреждением против решительных шагов. В этой острой ситуации обер-прокурор выступление против греков считал особо опасным.⁵⁴

Точка зрения митрополита Филарета была близка к позиции А. П. Толстого. Углубление греко-болгарских противоречий к началу 1861 г. и особенно действия болгар в пользу унии привели московского митрополита к убеждению, что Русская Церковь не должна выступать более официальным посредником в деле примирения. «Мысль о том, чтобы архимандрита Антонина употребить скромным посредником, была представлена прежде с большею надеждою, нежели ныне. И теперь можно поручить архимандриту Антонину изъяснить разделенным сторонам крайнее сожаление российской иерархии о происшедшем разделении (...) и искреннее желание, чтобы единение и мир церковный восстановлены были посредством взаимных уступок. Но он должен быть только конфиденциальным, а не офи-

⁵⁰ Бонева В. Българското църковнонационално движение 1856–1870. Велико Търново, 2010. С. 309–311.

⁵¹ Дешеш А. Б. Лобанова-Ростовского 7/19 февраля 1861 г. РГИА. Ф. 797. Оп. 27. 2 отд. 2 ст. Д. 426. Ч. 3. Л. 179–180 об.; 14–16 марта 1861. Там же. Л. 273–276 об. Обращение болгар к протестантам было критически воспринято митрополитом московским Филаретом, который видел в этом еще один повод к тому, «что Илариона должно оставить его судьбе» (записка от 11 апреля 1861 г. Там же. Л. 283–283 об.).

⁵² Бонева В. Българското църковнонационално движение 1856–1870. Велико Търново, 2010. С. 325.

⁵³ Дневник. 1861. Шифр ИППО: Б. IV. 853/7. С. 6.

⁵⁴ А. П. Толстой – митр. Филарету. 25 января 1861 г. РГИА. Ф. 797. Оп. 27. 2 отд. 2 ст. Д. 426. Ч. 3. Л. 110–112 об.

циальным действователем, по той предосторожности, чтобы невнимание к официальному доверенному лицу Российской Церкви не уменьшило мира, который она старается умножить». ⁵⁵ Тем более с крайним неодобрением отнесся Филарет к идее командирования в Константинополь особого миротворческого посольства от Русской Церкви во главе с епископом. Помимо щекотливого положения такого епископа в каноническом отношении, подобная акция несомненно была бы истолкована в политическом смысле. ⁵⁶

24 февраля 1861 г. в Патриархии был официально оглашен патриарший акт об отлучении болгарских митрополитов Илариона, Авксентия и Паисия. На том же соборе Патриархия выступила с проектом урегулирования болгарского вопроса (так называемые «15 пунктов»), который предусматривал учитывать при назначении архиереев национальный состав паствы и не препятствовать использованию славянского языка при богослужении. Болгарский митрополит Паисий ответил на собор ответным отлучением Патриарха Иоакима. ⁵⁷ «В Фанаре был сегодня случай, редкий в церковных летописях, – писал по поводу собора архимандрит Антонин. – В Патриархии собрались 6 Патриархов и 25 митрополитов для суда над отщепенцами Иларионом, Авксентием и Паисием Филиппопольским. Илариона три раза звали на собор, но он не пошел. Вслед за тем было произнесено соборное низложение его, отлучение от Церкви и приговор к заточению. Той же участи подпали и два другие архиерея. Замечательно, что Паисий – грек. Теперь-то начнутся истории! Болгаре несомненно вступятся за своего „священноначальника“ и поднимут шум на весь Константинополь. Итак, все наше усилие примирить враждующих оказалось = 0!» ⁵⁸ Несомненно критически относящийся к поведению Патриарха, Антонин был при этом далек от сочувствия болгарам. «Нет, видно в наше, всему посмеивающееся, время церковные наказания всего лучше держать под спудом», – писал он после известия о служении Илариона вопреки запрещению 26 февраля 1861 г. ⁵⁹ 27 февраля им были написаны очередные «реляции графу» (т. е. обер-прокурору А. П. Толстому) о болгарских делах. ⁶⁰

Первые самостоятельные шаги Антонина в Константинополе подверглись критике со стороны духовного ведомства. Обер-прокурор А. П. Толстой, а вслед за ним и митрополит Филарет были возмущены смелостью первого разговора Антонина с Иоакимом II и той свободой суждений, которые он себе позволял в болгарском вопросе. В частности, митрополит Филарет считал недопустимым, чтобы Антонин давал Патриарху советы касательно церковного устройства болгар и ставил ему в пример устройство Церкви Семи островов. ⁶¹ Особенно резким было мнение московского митрополита по поводу донесения Антонина

⁵⁵ Мнение от 30 января 1861 г. Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по делам православной церкви на Востоке. СПб., 1886. С. 247.

⁵⁶ Мнение 28 февраля 1861 г. Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по делам православной церкви на Востоке. СПб., 1886. С. 250–251.

⁵⁷ Бонева В. Българското църковнонационално движение 1856–1870. Велико Търново, 2010. С. 316–358; Макарова Н. Ф. Болгары и Танзимат. М., 2010. С. 157–158.

⁵⁸ Дневник. 1861. Шифр ИППО: Б. IV. 853/7. С. 14. Антонин ошибается в числе участников собора, что было впоследствии отмечено в критическом разборе его донесения. В соборе принимали участие 6 Патриархов (кроме председателя Иоаким II, двое бывших Вселенских и трое восточных – Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский) и 21 митрополит. Бонева В. Българското църковно-национално движение 1856–1870. Велико Търново, 2010. С. 316–329.

⁵⁹ Дневник. 1861. Шифр ИППО: Б. IV. 853/7. С. 14.

⁶⁰ Дневник. 1861. Шифр ИППО: Б. IV. 853/7. С. 15.

⁶¹ Греческие острова Ионического моря – Керкира, Закинф, Лефкас, Итака, Кефалиния, Паксос и Китира. Они никогда не были под османским владычеством. С XV в. до 1797 г. были владением Венецианской республики, в 1797–1799 гг. принадлежали наполеоновской Франции. В 1799–1807 гг. там была установлена республика семи Соединенных островов под русским протекторатом. По Тильзитскому миру снова уступлены Франции, но вскоре захвачены англичанами. По Парижскому миру 1815 г. были преобразованы в полусамостоятельное государство под британским протекторатом. Объединение с Грецией произошло в 1864 г.

от 6 марта 1861 г.⁶² Совершенно справедливое возмущение вызвало у Филарета наивное предложение Антонина обсудить с Патриархом проблему симонии в Восточной Церкви. Не вызвали у митрополита сочувствия и историко-канонические рассуждения Антонина о правилах Сардикийского собора, согласно которым Римскому епископу принадлежало право верховного суда над всей Церковью. Письмо Антонина от 6 марта, критический отзыв на него Филарета и ответное послание Антонина представляют собой целое полемическое исследование по каноническому праву. «Нимало не думаю, чтобы архимандрит Антонин был наклонен к неправославию. Но так могло случиться с человеком, который получил образование не под твердым руководством, а более собственными усилиями и не очень осторожно доверяет мудрованию собственному», – такую суровую и даже в некотором смысле опасную оценку Антонину дает митрополит Филарет.

Разумеется, подобный «разнос» одного из самых содержательных донесений Антонина константинопольского периода вызвал у него обиду и тревогу. «Из Синода присланы горькие замечания мне по поводу письма моего к прокурору от 6-го марта. Отделал же мою худость неутомимый владыка Московский! – писал Антонин по этому поводу в своем дневнике 9 мая 1861 г. – Вечером уже писал ответ Св. Синоду на делаемые мне упреки в невежестве, в неуважении к духовной власти, в суемудрии, и, наконец, даже в неправославии».⁶³ К 16 мая пространные ответные письма были окончены и отосланы.

Немного позднее, в июле 1861 г., во время своего посещения Константинополя, этой перепиской заинтересовался Н. П. Игнатьев (тогда директор Азиатского департамента), который попросил о. Антонина скопировать одно из писем для себя. 18 июля Антонин вместе с Игнатьевым посетил Патриарха, где «пустились в океан дипломатии самой тонкой, самой гибкой, самой сладкой».⁶⁴ Это была первая встреча Антонина со знаменитым дипломатом, с которым впоследствии у него установились самые близкие дружеские отношения. По впечатлениям и материалам этой поездки Игнатьев составил записку по церковному вопросу, в которой предлагал следующую программу решения спора; создание болгарских епархий на территориях с болгарским населением; избрание в них болгарских епископов; введение богослужения на языке преобладающей национальности; Патриарх имеет двух наместников, один из которых должен быть славянином; патриарший Синод и смешанный совет делятся на два отдела, один из которых состоит из славянских архиереев. Понимая трудность непосредственного проведения такого плана, Игнатьев предлагал начать пропаганду его в болгарских провинциях с тем, чтобы впоследствии при содействии России он был принят и Патриархией.⁶⁵

С середины 1861 г. церковное движение болгар перешло в новую стадию. Он и стали искать возможность добиться цели путем непосредственных переговоров с Портой. В Константинополе было учреждено официальное болгарское Народное представительство, которое отвергло условия, предложенные церковным собором и выдвинуло свои собственные (так называемые «8 пунктов»), среди которых наиболее радикальные касались участия болгар в выборах Патриарха (количество голосов соотносилось с численностью паствы), половина членов Синода должна была быть представлена болгарскими, в смешанных епархиях национальная принадлежность архиерея определялась этническим составом основной

⁶² Об особенностях письма архимандрита Антонина, от 6 марта 1861 года, по болгарскому делу. Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по делам православной церкви на Востоке. СПб., 1886. С. 261–265.

⁶³ Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по делам православной церкви на Востоке. СПб., 1886. С. 35.

⁶⁴ Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по делам православной церкви на Востоке. СПб., 1886. С. 54.

⁶⁵ Хевролина В. М. Николай Павлович Игнатьев. М., 2009. С. 193–195.

части населения. Российское посольство поддержало требования болгар, Патриархия же категорически отвергла их.⁶⁶

5 сентября 1861 г. Антонин отмечает в Дневнике: «Писал письмо к московскому великому старцу. Читал заметки оного по болгарским делам, из коих вывел заключение, что майское письмо мое к нему не доставлено. Как это объяснить?»⁶⁷ 18 сентября он получил новые замечания митрополита Филарета. Назревавший конфликт с митрополитом Филаретом вызвал у Антонина опасения, что его отправят в Россию. «Старец, я думаю, постарается упечь меня куда-нибудь посевнее Царьграда», – сетовал он.⁶⁸ Однако быстро развивающиеся события в Константинополе требовали участия архимандрита Антонина.

Российской дипломатии удалось нанести болгарской унии удар весьма оригинальным способом. 6 июня 1861 г. архиепископ Иосиф Сокольский был приглашен на посольскую дачу в Буюк-Дере на Босфоре, и в ходе разговоров он взшел на русский корабль, который доставил его в Одессу. Из Одессы Иосиф был препровожден в Киев, где с тех пор проживал в Киево-Печерской лавре. Похищение Иосифа было представлено в официальной версии как желание найти убежище в России и вернуться в православие. Для ускорения этого были приняты все меры. Более того, Киевский митрополит Арсений сослужил с ним литургию, что расценивалось как шаг необдуманный и поспешный. Признание Иосифа в России с канонической точки зрения было невозможно без принятия его в церковной общине Константинопольским Патриархом. Задача переговоров с Патриархом по этому вопросу была возложена на Антонина. При первом разговоре Иоаким II ответил категорическим отказом. Однако надежда на благоприятное решение вопроса оставалась. «Надобно, чтобы святейший Патриарх отступил от своего строгого суждения о Иосифе, которое выразил архимандриту Антонину, и чтобы согласился оставить Иосифа без преследования, – писал митрополит Филарет. – Нельзя ли поручить архимандриту Антонину смиренно довести до сведения Вселенского Патриарха, что российское духовенство находит полезным для Православной Церкви, чтобы Иосифу было оказано снисхождение».⁶⁹ Это поручение, переданное Антонину через посланника, было выполнено им 30 мая 1862 г. В результате беседы с Патриархом выяснилось, что Иоаким II не только не был намерен идти навстречу пожеланиям русского Св. Синода – признать Иосифа Сокольского в сущем сане, но и высказывал мнение, что католики вообще не являются христианами, так как не практикуют правильного таинства Крещения (донесение от 1 апреля 1862 г.). Ввиду неуступчивости Патриарха, по совету митрополита Филарета, и Русская Церковь воздержалась от официального признания архиерейского сана Иосифа Сокольского. Несмотря на не однократные просьбы о возвращении на родину, из Киевской лавры он отпущен так и не был и скончался там 30 сентября 1879 г.

Между тем с июля 1862 г. в Константинополе начала заседания смешанная греко-болгарская комиссия, которая была призвана выработать программу примирения. Болгары настаивали на включении в патриарший Синод половины архиереев-болгар. Патриархия соглашалась допустить не более четырех. Не добившись единогласия, обе стороны в сентябре отправили в Порту свои предложения. Султанское правительство, по обыкновению, отложило решение на будущее время. В октябре сосланные митрополиты были перемещены ближе к Константинополю, что оценивалось как заигрывание Порты с болгарскими лидерами. В феврале 1863 г. Аалипаша внес предложение, чтобы в Синоде заседали митрополиты в зависимости от численности христианского населения епархий, что давало явное преиму-

⁶⁶ Макарова И. Ф. Болгары и Танзимат. М., 2010. С. 158–159.

⁶⁷ Дневник. 1861. Шифр ИППО: Б. IV. 853/7. С. 70.

⁶⁸ 5 октября 1861 г. Там же. С. 81.

⁶⁹ Мнение от 27 декабря 1861 г. Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по делам православной церкви на Востоке. СПб., 1886. С. 310–311.

щество болгарам. 2 июня 1863 г. Порты заявила о роспуске комиссии ввиду безрезультатности ее действий. Воспользовавшись неудачей в работе комиссии, противники Иоакима II 20 июня 1863 г. подали Порте на него жалобу. Главными обвинениями, кроме неспособности решить болгарский вопрос, была невозможность справиться с долгами Патриархии и с проблемой имуществ в Молдавии и Валахии.

Вопрос о монастырских имуществх составлял, наряду с болгарским вопросом, вторую неразрешимую задачу для Константинопольского Патриархата. Обширные земельные владения (метохи) восточных монастырей (Афонских, Синайского, Патмосского) и церквей (Александрийской, Иерусалимской), которые были в XVII–XVIII вв. «преклонены» (дарованы) молдавляхскими господарями, составляли до ¼ территории княжеств. Со времени начала борьбы Молдавии и Валахии за национальную независимость неоднократно вставал вопрос о статусе этих земель. Вопрос не был решен ни Парижским трактатом, ни парижской конференцией августа 1858 г. Последующие годы прошли в более-менее безрезультатных переговорах между Портой, представителями держав и румынским правительством во главе с А. Кузой. В ноябре 1862 г. Куза секвестировал доходы монастырей в пользу казны, а 24 декабря 1863 г. правительство Соединенных Княжеств приняло решение о конфискации монастырских имуществ. Естественно, такие действия вызвали энергичный протест со стороны владельцев. Для решения вопроса в 1864 г. в Константинополе была образована комиссия из представителей держав-поручительниц Парижского трактата. На стороне восточных владельцев выступила фактически одна только Россия, которая по-прежнему исходила из принципа поддержки православия на Востоке. Франция открыто встала на защиту князя Кузы, что объясняется ориентацией правительства Соединенных княжеств на Францию.⁷⁰ Англия и Австрия старались наладить контакт с восточными владельцами, но главной их целью было нейтрализовать русское влияние на ход дела. Работу комиссии затрудняло то обстоятельство, что представители восточных владельцев не представляли документов на собственность и часто в виде протеста вообще не являлись на заседания; не могли они и преодолеть разногласия между собой (прежде всего это касалось выплаты взноса в константинопольскую патриаршую казну со стороны монастырей, подчиненных вселенскому престолу и имевших метохи в княжествах). В качестве компромиссного варианта еще в 1859–1860 гг. предлагалась выплата денежной компенсации владельцам; однако и эта мера не была выполнена, так как ни один банк не мог поручиться за уплату бухарестским правительством столь большой суммы (приблизительно 150 миллионов пиастров). Разумеется, Куза сам не располагал такой большой суммой и предполагал взять ее займы у тех же константинопольских банкиров Г. Зографоса и Х. Зарифиса. Этим негласным соглашением между Кузой, Патриархом Иоакимом II и неофанариотами объясняют кунктаторскую политику Патриархата и, позднее, падение Кузы.⁷¹

Шаткое положение Кузы в его борьбе с Церковью и внутренней оппозицией побуждало его искать поддержки у держав и Порты. Этим объясняется его визит в Константинополь в июне 1864 г., где он находился под защитой французского посольства. В результате переговоров британским послом Х. Бульвером был составлен акт, согласованный с его австрийским коллегой А. фон Прокешем; назывался этот документ «Дополнительный акт к конвенции 1859 г.» и был оглашен послами на конференции 16/28 июня 1864 г. Главным содержанием его было невмешательство внешней силы в дела княжества; Кузе предоставлялись условия и время для реформирования правительства. Российское посольство было полностью отстранено от участия в разработке этого проекта. Куза даже не посетил Е. П. Новикова, и переговоры велись втайне от российских дипломатов. Российскому посольству приходи-

⁷⁰ Jelavich B. *Russia and the Formation of the Romanian National State, 1821–1878*. Cambridge, 1984. P. 130–141.

⁷¹ Stamatopoulos D. *The Bulgarian Schism Revised* // *Modern Greek Studies Yearbook*. 2008–2009. Vol. 24/25. P. 112–114.

лось получать неполные сведения о ходе дел от британского посла. Принятие данного документа и одобрение держав послужили платформой для дальнейших реформ: в августе 1864 г. было принято аграрное законодательство, в декабре – новый свод законов. В декабре 1864 г. была провозглашена полная независимость Румынской Православной Церкви, не признававшаяся Константинополем до 1886 г.⁷² На фоне практически полного разрыва отношений с духовными властями Константинополя несколько театральным выглядит посещение А. Кузой Патриархата и проведения там в мае 1864 г. церемонии руковоплощения его Патриархом Софронием (подробно описана в донесении архимандрита Антонина от 9 июня 1864 г.). По всей видимости, в Патриархате надеялись таким образом сдвинуть с мертвой точки вопрос об имуществе.

Неудивительно, что отношения Кузы как с восточными владельцами имений, так и с поддерживавшей их Россией могли после этого только ухудшиться. Особенно оскорбительным для Константинополя было демонстративное изгнание из Румынии в 1865 г. архимандрита Клеовула, который был специально командирован к князю Кузе для переговоров по церковным делам.⁷³ Не добившись практических результатов, международная комиссия прекратила свою работу, а восточные монастыри и церкви остались без значительной части своих доходов. Дело монастырских имуществ было первым «пробным камнем» для прибывшего в Константинополь в 1864 г. посла Н. П. Игнатьева. Не будучи в состоянии повлиять кардинальным образом на его решение, российское посольство смогло только предотвратить соглашение между державами без участия России, что Игнатьев рассматривал как немалый успех.⁷⁴

Весной и летом 1863 г. Антонин совершил поездку на родину – единственную за свою 35-летнюю службу на православном Востоке. Поэтому обстоятельства патриаршего кризиса в Константинополе и избрания нового Патриарха Софрония III он узнал уже по возвращении из России. Из депеши Е. П. Новикова от 27 августа/8 сентября 1863 г. выясняются обстоятельства предвыборной борьбы. Наибольшей поддержкой со стороны высшего духовенства пользовался бывший Патриарх Анфим, кандидатура которого вызывала у русской дипломатии сомнения. Во время своего первого патриаршества во время Крымской войны он уступил давлению английского посла Стратфорда Редклифа и издал окружное послание, в котором объявлял русский народ отступившим от веры предков.⁷⁵ Симпатии посольства были на стороне местоблюстителя, митрополита Рашко-Призренского Мелетия. Выборы состоялись 20 сентября/2 октября 1863 г. Патриархом был избран Амасийский митрополит Софроний. Несмотря на то что новый Патриарх считался креатурой министра иностранных дел и слыл человеком слабым, российское посольство было склонно воспринимать его избрание положительно. «Избрание митрополита Амасийского признается весьма превосходным решением опасностей, сопряженных с избранием Патриарха. Этим выбором обязаны счастливому соединению влияния духовных и светских лиц, принадлежавших к консервативной партии, почти тех же самых, которые действовали в пользу нынешнего местоблюстителя; благодаря этому соединению был опровергнут заговор Зарифи, который вел ни к чему другому, как к порабощению Церкви опасной *hégémonie* финансовой олигархии», – комменти-

⁷² Jelavich B. *Russia and the Formation of the Romanian National State, 1821–1878*. Cambridge, 1984. P. 140–141.

⁷³ Донесение бар. Оффенберга (российского ген. консула в Бухаресте) от 14 мая 1865. РГИА. Ф. 797. Оп. 34. 2 отд. 3 ст. Д. 275. Л. 54–56об.; депеша Н. П. Игнатьева от 25 мая/6 июня 1865 г. Там же. Л. 92–95.

⁷⁴ Граф Н. П. Игнатиев. Дипломатические записки (1864–1874). Донесения (1865–1876). Том 1. Записки (1864–1871) / Пер., увод., коммент. И. Тодев. София, 2008. С. 22–29.

⁷⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 34. 2 отд. 3 ст. Д. 275. Л. 248–248об. Однако английской дипломатии все же не удалось добиться своей цели – провозглашения раскола между Константинополем и Русской Церковью.

ровал в своем донесении Е. П. Новиков.⁷⁶ Из этого донесения становится ясно, что российское посольство было хорошо осведомлено о тех рычагах, которые служили к возведению и низложению Патриархов. Х. Зарифис в самом деле приобрел к началу 1860-х гг. огромное влияние на дела Церкви не в последнюю очередь из-за поддержки курса реформ, который проводился с османской стороны Аали-пашей.⁷⁷ От Порты новый Патриарх получил указание как можно скорее покончить с церковной распрей; в этом же ключе состоялся и его разговор с управляющим российским посольством Е. П. Новиковым.⁷⁸ Не находя способ уладить конфликт, в феврале 1864 г. Патриарх созвал новый собор, в котором участвовали бывшие Константинопольские, Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский Патриархи, члены Синода, богословы и депутаты от греческих общин. С болгарской стороны участвовали три архиерея и светский представитель, Г. Крыстевич. Болгары вновь настаивали на принятии «8 пунктов» и снова их программа была отвергнута как антиканоническая.⁷⁹

В августе 1864 г. в Константинополь прибыл новый посланник, Н. П. Игнатьев, бывший начальник Азиатского департамента МИДа, хорошо знакомый с болгарским вопросом.⁸⁰ Главной задачей Игнатьева было вывести болгарский вопрос из того состояния стагнации, в котором он находился. Для Игнатьева было ясно, что мирным путем распря преодолена быть уже не может, но на первых порах он не исключал возможности добиться урегулирования путем выполнения основных требований болгар под дипломатическим нажимом России. При всем личном сочувствии делу болгар, новый посланник не мог не считаться с интересами Патриархии и был вынужден проводить политику компромисса. К идее образования автономной Болгарской Церкви, что соответствовало требованиям крайнего крыла болгар, Игнатьев придет значительно позднее, когда все средства для достижения компромисса будут уже исчерпаны. Первым делом он постарался войти в доверие глав обеих противоборствующих партий. Чтобы повысить свой авторитет в среде болгар, он добился у Порты возвращения в сентябре 1864 г. в Константинополь Илариона Макариупольского и Авксентия Велесского. После переговоров с болгарскими и греческими лидерами Игнатьеву удалось получить согласие умеренных представителей той и другой партии принятия своей программы; что касается великого визиря Али-паши, то он категорически возражал против деления епархий на болгарские и смешанные. Не поддержали Игнатьева и крайние представители греческой и болгарской сторон.

Рассчитывая на поддержку Патриарха Софрония, МИД принял сторону восточных владельцев в споре по монастырским имуществам в Молдавии и Валахии. Однако ощутимых результатов, особенно в среде константинопольских греков, миротворческая политика Игнатьева не принесла. Дело монастырских имуществ было очевидно проиграно, что лишало Патриархию важной статьи ее доходов и делало ее еще более непримиримой в болгарском вопросе. В декабре 1866 г. Игнатьеву удалось добиться смещения неуступчивого Патриарха Софрония. Н. П. Игнатьев высоко ценил дипломатические способности архимандрита

⁷⁶ Деша от 24 сентября/6 октября 1863 г., № 163. РГИА. Ф. 797. Оп. 27. 2 отд. 2 ст. Д. 426. Ч. 4. Л. 267об.–268.

⁷⁷ *Stamatopoulos D. The Bulgarian Schism Revised // Modern Greek Studies Yearbook. 2008–2009. Vol. 24/25. P. 112.* Пик влияния Зарифиса наступил позднее, в 1870-е гг., когда он стал личным банкиром султана Абдул Гаида; благодаря поддержке Зарифиса в 1878 г. состоялось возведение на патриарший престол Иоакима III, воспитанника Иоакима II.

⁷⁸ Русия и българското национално-освободително движение 1856–1876. Документи и материали. Т. I. Ч. 2. София, 1987. С. 374–375.

⁷⁹ Бонева В. Българското църковнонационално движение 1856–1870. Велико Търново, 2010. С. 538–557.

⁸⁰ О деятельности Н. П. Игнатьева на Ближнем Востоке и Балканах см.: *Дмитриевский А. А.* Граф Н. П. Игнатьев как церковно-политический деятель на православном Востоке. СПб., 1909; *Кирил, Патриарх Български.* Граф Н. П. Игнатиев и българският църковен въпрос. Изследване и документи. Т. I. София, 1958; *Тодев И.* Граф Игнатиев и принципът за единство на православието // Исторически преглед. 1991. Кн. 7. С. 77–90 (= *Тодев И.* Тригълник на надеждата. Студии и есета по Българското възраждане. София, 1995); *Хевролина В. М.* Николай Павлович Игнатьев. М., 2009. С. 191–218.

Антонина и нашел в его лице деятельного помощника. Подбирая себе молодых и энергичных сотрудников в константинопольское посольство, Игнатъев с подачи Антонина проявлял не меньшую озабоченность относительно состава клира посольской церкви. Во время дискуссий по поводу дел Русской Духовной Миссии в Иерусалиме Игнатъев, не желая расставаться с Антонином, разрабатывал проект, согласно которому миссия и константинопольская посольская церковь будут управляться одним лицом. Этот план, быть может, и пришелся бы Антонину по вкусу, однако оказался совершенно невыполним. Антонин же, в свою очередь, ратовал за учреждение в Константинополе апокрисиариата – духовного представительства Русской Церкви в Османской империи, независимого от МИДа. Весьма вероятно, что в качестве главы такого учреждения он видел именно себя.

Понимая малую результативность непосредственных официальных встреч по поводу спорных вопросов, Антонин устанавливал прямые контакты с влиятельными представителями неофанариотских фамилий, от которых, по сути, зависела политика Константинопольского Патриархата. От них же он получал дополнительную информацию о ходе дел в Патриархии. Особенно активными были его переговоры со Стефаном Карафеодори, членом смешанного совета, одним из главных руководителей светской партии. «Виделся с г. Карафеодори и взял на себя отправку его панфеты ко владыкам столиц русских», – писал он 15 ноября 1861 г.⁸¹ Антонин высоко оценивал достоинства С. Карафеодори и считал, что привлечение его на сторону России могло бы способствовать установлению более близких отношений с неофанариотскими кругами. В самом деле, семья Карафеодори была более других расположена в пользу сближения с Россией; позднее сын Стефана, Александр, вместе с сыном Николая Аристархиса, Ставраки, действовали в качестве посредников между посольством, Патриархией и неофанариотами; благодаря их сотрудничеству с Н. П. Игнатьевым состоялось избрание удобного России Патриарха Григория VI в 1867 г.⁸² Антонин неоднократно настаивал на награждении Карафеодори русским орденом, однако его предложение не было принято: ведь Карафеодори выступал самым непримиримым противником болгарских требований.

Непосредственные служебные обязанности Антонина в Константинополе, связанные с богослужением, обустройством посольских церквей в Пере и Буюк-Дере и встречами по церковно-политическим вопросам, оставляли много свободного времени для занятий научными исследованиями, написания статей и очерков, археологических экскурсий по городу и его окрестностям. Эти занятия нашли подробное отражение в дневнике Антонина, дополняя тот материал, который предоставляют нам его официальные донесения. Впрочем, и сами депеши о. Антонина касались не только текущих политических дел. Так, 13–14 января 1861 г. он составил для Св. Синода проект преобразования русских духовных академий.⁸³ После одобрения со стороны Лобанова-Ростовского проект под названием «Несколько мыслей» был отправлен обер-прокурору А. П. Толстому. Антонин рекомендовал в качестве ректоров духовных академий архимандрита Порфирия (Успенского), архимандрита Иоанна (Соколова), А. В. Горского и А. Н. Муравьева. С первых дней своего пребывания в Константинополе Антонин проявил большую заботу о приведении в порядок помещения посольской церкви. В церкви были заменены окна, покровы; кроме того, Антонин оставил для нее часть старинных икон, приславшихся из России для балканских церквей. К концу 1861 г. у него созрел план постройки отдельного здания русской церкви в Пере (с фасадом на Топханскую улицу); он начертил ее план и с согласия посланника писал митрополиту Петербургскому

⁸¹ Хевролина В. М. Николай Павлович Игнатъев. М., 2009. С. 96.

⁸² Stamatopoulos D. The Bulgarian Schism Revised // Modern Greek Studies Yearbook. 2008–2009. Vol. 24/25. P. 113.

⁸³ Дневник. 1861. Шифр ИППО: Б. IV. 853/7. С. 5.

с просьбой о содействии.⁸⁴ Однако повторить то, что ему удалось в Афинах, в Константинополе суждено не было. Проект был отвергнут МИДом. «От князя получил известие, что мечты наши о постройке здесь отдельной церкви признаны министерством за то, что суть на самом деле», – пишет он 19 января 1862 г.⁸⁵ Предметом особой заботы Антонина во всех местах его служения было хорошее церковное пение, что он считал важным для поддержания авторитета России среди единоверцев и существенным элементом миссионерства. Состав певчих в Константинополе не мог оставить его равнодушным, что нашло выражение в письме к Игнатьеву от 12 сентября 1864 г. В последующие годы, уже будучи в Иерусалиме, Антонин продолжит обсуждение этого вопроса и адресует послу целый ряд своих соображений.

В настоящем издании впервые публикуются 24 дипломатические донесения архимандрита Антонина из Константинополя за 1861–1864 гг., хранятся в архиве Св. Синода (РГИА). Основная часть их – автографы, некоторые – копии. Почти все донесения представлены полными вариантами текстов. Вместе с ними издаются мнения митрополита Филарета на эти донесения и некоторые другие эпистолярные материалы, также имеющие к ним отношение. Донесения располагаются нами в хронологическом порядке за исключением тех случаев, когда они формируют комплексы по содержанию.

⁸⁴ 5 декабря 1861 г. Там же. С. 103–104.

⁸⁵ 5 декабря 1861 г. Там же. С. 121.

Донесения и письма архимандрита Антонина

1. Письмо архимандрита Антонина А. П. Толстому

16 января 1861 года

Тревожный вопрос болгарский подает некоторую надежду на мирное разрешение. Патриарх Вселенский высказал мысль о возможности независимой болгарской митрополии Тръновской с подведомыми ей епископиями, но учреждение такой же митрополии Охридской для болгар по сю сторону Балканских гор, считают невозможным.^[1] Болгары подали от себя просьбу Порте о даровании им:

1. независимого архиепископа,
2. права избирать архиереев народом и
3. права независимого духовного управления в областях своих.

В двух присоединенных к тому пунктах они обещают денежное пособие Патриархии и принятие на себя части ее долга. Порты находят затруднительным церковное отделение болгар от Патриархии. На этом стоит пока дело.

РГИА. Ф. 797. Оп. 27. 2 отд. 2 ст. Д. 426. Ч. III. Л. 163. Выписка.

2. Записка архимандрита Антонина

29 января 1861 года

20 числа текущего месяца я был у Его Святейшества Вселенского Патриарха Иоакима. Желая избыть тягостной необходимости участвовать в прискорбных распрях двух, одна другую обвиняющих сторон, равно нам близких и равно ищущих нашего сочувствия, я уклонялся от общения как с греками, так и с болгарами, не имея никаких относительно сношений с ними наставлений Святейшего Синода, и даже взгляда его не зная на предмет, волнующий здешнюю Церковь. Однако ж, получив стороною намек, что уклончивость моя может быть объясняема греческим духовенством или нерасположением, или страхом, или даже невежеством с моей стороны, я воспользовался предложением визита своего к секретарю Синода (о. Александру Ласкари), посетившему меня незадолго перед тем, отправился сказанного числа в Патриархию и зашел к Патриарху. Он сидел за бумагами и писал, при нем был один из митрополитов, членов Синода. Извинившись, что беспокою Его Святейшество не вовремя (было часа два пополудни), я объяснил ему случайность своего посещения, и свел все дело на одно желание получить его благословение. На что он с легким упреком заметил, как я мог подумать, что мое посещение может беспокоить его. Я поблагодарил его за ласковое слово и изъявил мое желание осведомиться, в каком положении находится дело об одобрении Великой Церковью греческой службы Святым Отцам Афонским. Патриарх сказал мне, что книжка передана на обсуждение одного греческого иерарха (преосвященного митрополита К. Типальдо^[2], если не ошибаюсь), что в самой службе нет ничего, затрудняющего одобрение ее, но что в Синаксаре ее есть несколько выражений, довольно резких, против поддерживающей власти, которые в России не имеют, конечно, никакого значения, но здесь могут навлечь на Церковь неприятность. В заключение же Его святейшество просил извинения перед Святейшим Синодом за медлительность его в отношении к означенному делу, прибавивши, что у него как-то скопилось теперь много хлопот.

Я ловил случая привязать к беседе «Болгарский вопрос» и потому не мог упустить столь благоприятной минуты заговорить о нем. Я заметил, что у Его Святейшества есть дела несравненно большей важности. «Да! Вы их знаете», сказал он со вздохом. Я присовокупил, что Святейший Правительствующий Синод Всероссийский без сомнения весьма озабочен исходом болгарского дела, и что я нахожусь в печальной невозможности сообщить ему что-нибудь утешительное. Патриарх сказал мне: «Святейший Синод Российский сам есть иерархическая власть, и он может понимать, что за положение Патриарха, у которого епископы выходят из послушания». «Прискорбные недоразумения», – начал было я. «Обвинения несправедливые! – перебил Патриарх. – Требования незаконные! Нас выдают за грабителей, справедливо ли это, Вы сейчас увидите. В Терновской епархии, например, есть около 60000 христианских (душ или семейств, не припомню). Годовой доход пиастров положим 160 тысяч, наконец, пусть будет 200 тысяч.⁸⁶ Разложите эту сумму на население. Вы увидите, что придется по три пиастра на (душу или дом, не помню, вероятнее последнее). Назовете ли Вы это обременительным? А между тем сколько порицаний на нас за это!» Я поспешил заметить Его Святейшеству, что, по-видимому, не этот пункт есть существенный в жалобах болгар на В[еликую] Церковь. «Знаю, – отвечал живо Патриарх. – Мы преследуем якобы их! Какая бесстыдная клевета! Я 12 лет был иеродиаконом при болгарской церкви в Софии. Я был архиереем в Иоаннине. Видел, могу сказать, все те места, откуда идут на нас жалобы, и могу уверить Вас положительно, что все эти упреки нам в стеснении языка болгарского

⁸⁶ Пиастр равен 5 коп. сер. (Прим. о. Антонина.)

чистая выдумка. Пусть укажут мне хоть одну церковь, из которой изгнано было славянское богослужение и введено вместо его греческое! Пусть скажут, какое болгарское училище мы закрыли! Не старались ли, напротив, ввести преподавание славянского языка в училищах греческих? Доказательство Вам – Халкинское училище. Там и теперь все обязательно учатся славянскому языку^[3]. В училище этом есть и греки, и болгаре. Мы никакого предпочтения не делаем одним перед другими. Но говорят, что архиереев в Болгарию мы посылаем все греков. Неправда. Когда мы находим между болгарам людей способных и достойных, мы их рукополагаем так же, как и греков, без малейшего различия. Но дайте нам таких». При этом слушавший разговор наш митрополит сказал: «Были из них рукоположены двое, но что будете делать: оказались пьяницами». «Оставьте это, – строго перебил его Патриарх. – Это частности. Одни могли не удался, другие удадутся. Нет, возлюбленный мой архимандрит, это все предлоги, – продолжал он, обращаясь ко мне снова и, видимо, скорбя. – Тут замешалось христоненавистное честолюбие одного человека. Ему хочется быть Патриархом – вот и все!»

Я знал жестокое озлобление Великой Церкви против Преосвященного Илариона^[4] и попытался представить его в лучшем свете, сказав, что его, вероятно, заставляет действовать против В[еликой] Церкви народ. «Уловки», – перебил живо Патриарх. Я указал на доброе сердце его, на его глубокое уважение к лицу Патриарха, намекнул, что, если бы болгаре получили от Е[го] С[вятейшест]ва чего желают, Преосвященный Иларион первый того же дня прибежал бы к Его Святейшеству лобызать его святую десницу. «Еще бы не пришел! Конечно! – проговорил, улыбаясь, Патриарх. Я продолжал, что он, Патриарх, не имеет в виду быть, – удовольствовался бы титулом архиепископа, даже Епископа... «Даже архимандрита, – живо подсказал моим тоном Патриарх и засмеялся, – лишь бы быть независимым! Но в этом-то и затруднение! Если бы дело шло об этой табакерке, я бы дал ему ее сию минуту. Но независимости я не могу, я не имею права дать ему. На это надобно иметь согласие всей Церкви, – моего Синода, других Патриархов, да даже – самой вашей Церкви. Согласится ли вся Православная Церковь на противоканонический акт отделения Болгарской Церкви? Да и что такое Церковь Болгарская? Где, и как, и что она? Говорят, Терново, но Терново... Вам известно, что?» Мне действительно известно было, что «Терновская» сторона болгарского вопроса слабее «Охридской» и что об этой, а не о той надобно рассуждать с Патриархом, когда дело вызывается им на суд канонический, и потому я поспешил отвезти его от Тернова к Охриде, сказав ему, что болгаре уверяют, что они ничего другого не ищут, кроме канонического восстановления Охридской (и всея Болгарии) архиепископии, противоканонически упраздненной в 1767 г. «Далась им эта Юстинианова Юстиниана! – заметил Патриарх. – Но ведь архиепископии Юстиниановой Церковь не признавала и не утверждала никогда. Вы не найдете ни одного соборного, ни даже патриаршеского акта, которым бы признавалась ее независимость». «Однако же самый акт присоединения ее в 1767 г., – заметил я, – есть уже вместе с тем и акт признания бывшей ее независимости до присоединения». «Но, – возразил Патриарх, – присоединение это было по желанию самой же Болгарии. Вам известны тогдашние обстоятельства».

По-видимому, Его Святейшество предвидел готовое сорваться с языка моего замечание о том, что как в одно время было у Болгарии желание присоединиться, так в другое может придти желание отделиться. Оба желания равносильны. Он быстро перевел предмет беседы с исторической почвы на географическую и сказал мне: «Хотите видеть, как неосновательно притязание болгар на восстановление Охридской болгарской архиепископии? Там болгар почти нет. Епархии тех мест заселены более всего албанцами, после них – валахами, потом уже болгарам и греками. Не думаете вы, что албанец согласится иметь своим епископом болгарина, и валах предпочитает болгарский язык греческому, – и тот, и другой ему чуждые? Нет, вопрос сложнее, чем он представляется болгарам. А в епархиях, где греческое и бол-

гарское населения смешаны наполовину, что Вы будете делать? Поставить там двух православных епископов? А валахи потребуют третьего! А албанцы четвертого! Видите, куда мы заходим. Недавно были здесь два представителя мельхитов^[5], искавших присоединения к Православной Церкви. Их первое дело был требовать себе независимого Патриарха. Я им сказал: если вы искренно желаете Православия, то мы вас с любовью принимаем. А Патриарх у вас уже есть (т. е. Антиохийский, Бл[аженнейший] Иерофей)^[6]. Потому что, согласитесь сами, св[ятой] архимандрит, что же это будет? В одной и той же Сирии два Патриарха православных, да еще несколько неправославных!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Патриарх вселенский – Иоаким II Коккодис (Курсулидис) (первое патриаршество 16 октября 1860 – 23 июля 1863). Родился в 1802 г. на о. Хиос, был певчим в храме св. Иоанна в Галате (Константинополь), затем секретарем и диаконом софийского митрополита Иоакима (1822–1830). С 1827 г. Епископ Дриинопольский, в 1835–38 гг. митрополит Яннинский. По жалобе жителей своей епархии был лишен кафедры и сослан на Афон (1838–1840), затем снова восстановлен. В 1845– 60 гг. митрополит Кизика и один из самых влиятельных геронтов. Второе патриаршество 1873–1878 гг. См. о нем: Σταυρίδου Β. Θ. Οι οικουμενικά Πατριάρχαι 1860 – σήμερα. Θεσσαλονίκη, 1977. Σ. 89–135).

2.

Константин Типальдос-Иаковатос (1795–1867), митрополит Ставропольский, выдающийся греческий богослов. Родом из старинной семьи итальянского происхождения, переселившейся на о. Кефалонию в начале XV в. (первое письменное свидетельство относится к 1408 г.). Родился в Ликсури, получил образование в Афониаде и в Вене. Преподаватель и первый ректор Ионийской академии на о. Корфу (1824– 39 гг.). Глава комиссии по новогреческому переводу Септуагинты (1830–1840-е гг.). Преподаватель и первый ректор Халкинской богословской школы, возглавлял ее в течение 20 лет (1844–1864). Первые три года сам преподавал в школе все богословские предметы и имел лишь одного помощника, учителя древних языков. Автор службы св. Спиридону Тримифунтскому (изд. в 1827); Фотию, Патриарху Константинопольскому (1848); похвального слова св. Герасиму Кефалонийскому (1823); исследования о франкмасонстве (1839). Издавал антилатинские сочинения, переводы древнегреческих авторов, грамматику славянского языка для учеников Халкинского училища. Его младшие братья Николай и Харалампий были выдающимися греческими общественными и политическими деятелями.

3.

Преподавание славянского языка в Халкинской богословской школе было введено вторым уставом школы в 1853 г. Основанная в 1844 г. Халкинская богословская школа на протяжении многих десятилетий была единственным средним духовным учебным заведением Константинопольского Патриархата. См.: Соколов И. И. Богословские и священнические школы на православном греческом Востоке // Христианское чтение. 1906. Май-сентябрь. С. 99–115, 234–253, 391–413, 778–791, 889–908; Σταυρίδου Β. Θ. # #ε#ρ# θεολογικ# σχολ# τ#ς Χάλκης. Τ. 1–3. #0#ναι-Θεσσαλονίκη, 1968–1973.

4.

Иларион Макариопольский (Стоян Стоянов Михайловски) (1812–1875) – один из главных руководителей церковно-национальной борьбы болгар в XIX в. Принял постриг в Хиландарском монастыре на Афоне, учился у греческого просветителя Феофила Каириса. В 1844 г. возглавлял церковно-национальную борьбу болгар в Константинополе; в 1845–1850 гг. в ссылке на Афоне; освобожден был по заступничеству А. Н. Муравьева. В начале 1858 г. рукоположен во епископа болгарской церкви Константинополя с титулом Макариупольского. 3 апреля 1860 г. на литургии не помянул имени Вселенского Патриарха. В 1861–1864 гг. находился в ссылке на Афоне. С 1872 г. митрополит Тырновский. Скончался в 1875 г. в Константинополе.

5.

Мельхиты – название части сирийских христиан, которые после Халкидонского собора 451 г. восприняли византийскую традицию (отсюда их название – «царские»). Начало национального ренессанса мельхитов относят к XVI в. (Панченко К. А. К истории Иерусалимской церкви XVI в. Несостоявшаяся арабская альтернатива греческой ксенократии, или когда и где начался Мелькитский ренессанс? // Православный Палестинский сборник. 2011. Вып. 107. С. 271–284). В начале XVIII в. они попытались установить общение с Римом. В 1837 г. Мельхитская Греко-Католическая Церковь была официально признана Портой, во главе с Патриархом Максимом III. Часть мельхитского духовенства, однако, была не согласна с латинизирующей политикой Ватикана и искала воссоединения с православием. 26 ноября 1860 г. представители пятидесятитысячной общины сирийских мельхитов обратились к Иоакиму II с прошением о воссоединении со Вселенской Церковью, что вызвало активное противодействие со стороны иезуитов.

6.

Иерофей, архиепископ Фаворский, в 1833–1839 гг. находился в России для сбора пожертвований на Иерусалимскую Церковь. В 1839–1845 гг. служил в качестве нареченного преемника Патриарха Иерусалимского Афанасия IV в Константинополе и был кандидатом на патриарший престол. В 1845–1850 гг., после выбора Патриарха Иерусалимского Кирилла II, продолжал жить в Константинополе. В 1850–1885 гг. Патриарх Антиохийский. Избрание Иерофея на Антиохийский престол состоялось при поддержке русской дипломатии. Иерофей поддерживал переписку со многими русским церковно-политическими деятелями – А. Н. Муравьевым, А. С. Норовым, митрополитом Филаретом (Дроздовым). См. Лисовой Н. Н., Смирнова И. Ю. Иерофей, Патриарх Антиохийский, и его деятельность по материалам российских архивов. // Православный Палестинский сборник. 2007. Вып. 105. С. 209–277; 2008. Вып. 106. С. 193–272.